

Действительно, то, о чем он раньше боялся думать, было правдой — губы его ученика, холодные и мягкие, идеально подходили для поцелуев.

Ночной ветер, наполненный ароматом османтуса, проникал в темноту, смешиваясь с запахом мужчины. Он растворился в густом аромате османтуса, все его чувства запутались, и единственное, что оставалось ясным — это человек, связанный с ним.

В неизвестной темноте разыгрывалась немая пьеса, в смертельных объятиях которой рассеивалась легкая решительность.

Это было впервые, но казалось... будто в последний раз.

Поэтому это было так интенсивно и безумно, словно вложена вся жизнь.

Когда Му Цинцзя проснулся, его щеки были румяными, и он все еще слегка задышался.

Все казалось только что произошедшим, и он не мог отличить, было ли это фантазией, воспоминанием или сладостным сном.

Он медленно убрал руку, лежавшую на руке Хо Вэй, немного помолчал, а затем незаметно дотронулся до своего бедра.

— Оно было напряжено.

Он не знал, смеяться ему или плакать.

Радоваться тому, что Древо возвращения души дало ему совершенно нормальное тело, которое, хотя еще не имело чувствительности, уже было готово к плотским утехам.

И плакать о том, что объектом его фантазий был этот человек, сидящий рядом!

Объект эротического сна был мужчиной, что было нормально, ведь эта склонность была врожденной, и он, должно быть, уже шокировался этим при жизни, так что не было нужды шокироваться снова.

Но проблема была в том...

Му Цинцзя украдкой взглянул на человеческую печь рядом с ним и почувствовал, как вина поднимает огромные волны, сбивая его с ног.

Ученик, который держался в стороне от людей и не прикасался к мирским делам; в юности непокорный, а в зрелости высокомерный.

Такой избранник, и даже мечтать о нем было грехом.

Не говоря уже о том, что этот человек, жаждущий плоти ученика, был его старшим братом, который растил его с детства.

Му Цинцзя невольно задумался, кем был для него Хо Вэй?

Он всегда считал, что Хо Вэй был человеком, который прошел с ним самую долгую часть жизни, его любимой семьей, другом, соперником.

Но теперь его тело думало иначе.

Он горько усмехнулся в душе, выпрямился и начал читать «Мантру очищения сердца», которую нашел в уголках памяти, спокойно ожидая, пока желание угаснет.

Внезапно в его ушах раздался хриплый голос.

— Что, вспомнил?

Му Цинцзя чуть не подпрыгнул от испуга, и тлеющие угли желания снова разгорелись, дую прямо в сердце. Его ум был в смятении, и он почти не понимал, что имел в виду Хо Вэй.

Вспомнил что? На что он намекает? Неужели этот сладостный сон был...

— Вспомнил что? — он сделал вид, что спокоен, но его голос дрожал.

— Искусство марионеток, — Хо Вэй не понимал, почему он так удивлен. — Что еще?

— ...А.

Сердце упало, стало тяжелым.

Хо Вэй с нетерпением схватил его руку и написал: [В юности ты создавал множество марионеток, и среди них были куда более сложные. Для тебя не составит труда изменить команды марионеток, не потревожив создателя.]

Только тогда Му Цинцзя понял, что Хо Вэй ждал так долго, чтобы он взял инициативу в свои руки. Однако все это время он потратил на любовные грезы, и, вспомнив об этом, он с виноватым видом потер нос.

Увидев это, Хо Вэй бросил на него презрительный взгляд и насмешливо написал: [Я переоценил старшего брата.]

Затронув достоинство старшего брата, Му Цинцзя тут же отбросил все остальные эмоции и написал: [Это не проблема. Нарисуй мне узоры на воинах с топорами, я не могу их разглядеть.]

— Сказал бы раньше.

Провокация сработала, Хо Вэй презрительно фыркнул, незаметно наблюдая за воинами с топорами за пределами камеры и магического барьера, и нарисовал узоры на его ладони.

Когда узор в форме монеты появился в сознании Му Цинцзя, он почувствовал что-то знакомое, как будто где-то уже видел подобный стиль заклинаний.

Возможно, это был кто-то, кого он знал при жизни. Он подумал об этом мимоходом.

Затем он заметил странность в этом узоре в форме монеты и написал: [Это неполный узор. Ты уверен, что видел его полностью?]

[Уверен,] — ответил Хо Вэй. [Есть решение?]

[Есть.]

Му Цинцзя начал расшифровывать узор, рисуя его на ладони, и продолжал это около получаса, но так и не закончил.

Хотя узор, нарисованный пальцами, был немного неточным, Хо Вэй, знавший его с детства, в общих чертах понимал искусство заклинаний, и, если возникали вопросы, спрашивал его, что не было сложным.

И чем глубже Му Цинцзя понимал этот узор в форме монеты, тем больше он чувствовал, что что-то не так.

Чем выше мастерство заклинателя в искусстве узоров, тем больше у него собственного уникального стиля и тем больше уникальных узоров он создает. Обычно стиль заклинателя един в своих узорах, ведь никто не станет специально менять три или четыре стиля в одном узоре, борясь с воздухом и усложняя себе жизнь.

Однако этот узор, хотя внешне выглядел как монета, при более глубоком изучении оказался совершенно другим на каждом уровне, что явно было сделано заклинателем намеренно.

— Как будто он специально скрывал свой стиль, чтобы его не узнали.

И этот человек потратил столько усилий на простой узор для марионеток, даже намеренно удалив половину эффекта, оставив неполный узор.

Весьма интересно.

[Сложно?] — спросил Хо Вэй, видя, что он расшифровывает медленно.

Му Цинцзя улыбнулся с возбуждением:

— Это мастер.

Выражение лица Хо Вэя стало еще более серьезным, подтверждая его догадки.

Еще через полчаса узор был расшифрован. Му Цинцзя вытер пот со лба, его улыбка была полна удовлетворения, и он чувствовал, что давно не сталкивался с таким достойным соперником.

Когда один из марионеток прошел мимо железных прутьев, свет лампы на стене слегка дрогнул. Небольшая искра упала с лампы на узор в форме монеты на его спине, расплавив его и создав новый символ, изменив структуру заклинания.

Его шаги не прервались ни на мгновение, но что-то изменилось втайне.

Затем второй, третий... Хо Вэй, следуя узору, оставшемуся в его памяти, тем же методом изменил узоры всех пяти марионеток.

Первое «око» градоправителя было вырвано. Теперь, даже если бы Му Цинцзя начал петь и танцевать с учеником в камере, марионетки не потревожились бы ни на йоту.

И теперь им предстояло решить, как выбраться из камеры, не потревожив узоры.

— Хм.

Хо Вэй намекающе поднял запястье, и Браслет Умиротворения в духовном оке Му Цинцзя засиял, золотые и синие лучи быстро мелькали внутри.

Он не понял, но все же последовал намеку ученика и взял браслет, раздался легкий щелчок, и

ограничение на огненную духовную ци было снято.

Хо Вэй потер запястье, и беспокойное золотое пламя вырвалось из его дантяня, наполнив все его тело, и все свечи в комнате стали ослепительно золотыми.

— Отойди подальше, — он произнес низким голосом.

Пламя было обжигающим, и Му Цинцзя отступил на три шага, чтобы почувствовать себя лучше.

Золотое пламя мгновенно окутало всю правую руку Хо Вэя, плоть и кровь плавилась в огне, приобретая стальной блеск, словно это была не кость и плоть, а еще один меч.

Он пошевелил запястьем, словно Меч Темного Мотылька сделал взмах.

Свист —

Пламя вырвалось наружу, но не в сторону железной камеры, а в каменную стену.

Вся рука Хо Вэя погрузилась в камень, и золотое пламя взорвалось, проделав отверстие в твердой скале и открыв проход.

С самого начала бумажные талисманы на железных прутьях не были потревожены.

— Идем, — он бросил взгляд на Му Цинцзя.

Му Цинцзя замер, догнал его и снова надел Браслет Умиротворения на запястье ученика. Он ступил на еще теплый камень, вспоминая тот удар.

Да, это не было заклинанием, это было мастерство меча ученика.

Культиваторы меча любили свои мечи как жизнь, и одна из важных причин заключалась в том, что меч был основой их силы. Без духовного меча, даже с духовной ци, культиватор меча был как орел с одним крылом, incapable взлететь.

Ученик лишился Меча Темного Мотылька, но не растерялся и сумел превратить свою руку в меч, чтобы проложить путь из тюрьмы.

Полная уверенность. Уверенность в том, что он сам и есть меч.

Человек и меч стали одним, высшее мастерство в искусстве меча.

Му Цинцзя смутно помнил, что их учитель, достигнув высшего мастерства в искусстве меча, почувствовал, что готов к восхождению, и решил передать свои знания, приняв их, четырех учеников.

Восхождение.

Он посмотрел на яркое пламя перед собой и почувствовал, как его сердце словно вычерпывается мягкой ложкой, без боли, но с пустотой и одиночеством.

Полночь, дворец градоправителя, яркий свет.

Железная дверь бесшумно открылась и закрылась, и двое, одетые в черное и белое,

выскользнули из подземелья, словно пара черно-белых демонов, пришедших за душами.

Хо Вэй снял верхнюю одежду и, бросив ее, накрыл ею голову Му Цинцзя, словно зонтиком.

<http://bllate.org/book/16250/1461466>